

книга третья

Как мы с Вовкой

Зимние каникулы

Андрей
АСКОВД

12+

Андрей Асковд
Как мы с Вовкой. Зимние
каникулы. Книга третья
Серия «Как мы с Вовкой», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64068446

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98324-3

Аннотация

Книга рекомендуется к прочтению взрослым, которые забыли своё детство. Очередная порция добрых историй. В третьей части возвращаются бабка с дедом. Сами приезжают в гости и их ждёт масса приключений. Начиная от первой поездки в метро и заканчивая Красной площадью. Испытания ёлкой, горкой и общественным транспортом. Пройти всё это достойно, сохраняя чувство юмора и небольшую долю бабкиного цинизма и простоты. "Год новый, а идиоты старые". Но самое главное то, что все снова вместе.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Встреча	5
Глава 2. В метро	15
Глава 3. За Гамлета	24
Глава 4. Про припарку мёртвому индейцу	33
Глава 5. На ком шапка горит?	44
Глава 6. Как дед в танке горел	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Андрей Асковд

Как мы с Вовкой. Зимние каникулы. Книга третья

От автора

«Как мы с Вовкой. Зимние каникулы». Книга третья и последняя (последняя???) из серии «Как мы с Вовкой». В третьей части бабка с дедом сами приезжают в гости к внукам на зимние каникулы. Первый раз в большом городе...

Столкнувшись лицом к лицу с опасностями мегаполиса бабка, тем не менее, проходит их достойно и как всегда выходит победителем. Дед тоже не уступает ей в находчивости. Ну, а мы с Вовкой помогаем им найти себе очередные приключения.

– *Слава богу, что доехали. Пропади пропадом ваша Москва. Чтоб она в метро ваше провалилась,* – резюмирует бабка своё первое знакомство с Москвой.

– *Не дай бог. Насмотрелась я вашей Москвы. Лучшие уж вы к нам,* – делает она заключительные выводы.

А между этими двумя фразами ещё масса приключений. Но в данном случае мы не всегда являлись причиной. Как-то у них это само хорошо получалось.

Глава 1. Встреча

На зимние каникулы, когда я уже ходил в первый класс, а Вовка всё ещё в сад, к нам должны были приехать бабка с дедом. Так получилось, что они ещё ни разу не были в большом городе. Тем более в Москве. Это была их первая и последняя поездка в большой город. Да и мне так показалось, что лучше бы они не приезжали. Им и в деревне хватало приключений с нами. Но в данном случае от нас с Вовкой ничего не зависело.

«Встречайте 29 тчк будем в 10 30 тчк 9 вагон тчк целуем тчк».

Такую телеграмму мы получили, и папа, видимо, не очень-то обрадовался этому событию.

– Всё-таки собрались, – задумчиво произнёс он.

– Ну ладно тебе. Они же ни разу в гостях у нас не были за столько лет, – заступилась за них мама.

– А спать как будем? – поинтересовался папа.

Квартира у нас была двухкомнатная. В одной спали папа с мамой, во второй мы с Вовкой, на широкой кровати. Так что спать бабке с дедом было действительно особо негде.

Мама посмотрела на нас, и я почувствовал, что это не к добру.

– Ну, они у них могут поспать, – предложила мама и до-

бавила: – Придётся уплотниться.

Я представил, что бабка с дедом почти две недели будут спать с нами, и не очень-то обрадовался. Судя по Вовкиному лицу, он тоже.

– Я не хочу уплотняться и с бабкой спать, – возразил я. – Она храпит во сне.

– А дед пердит, – добавил Вовка.

– Не переживайте. Как приедут, так и решим, кто где будет спать и храпеть, – обнадеживала нас мама. – И что это за слово такое – пердеть? Я попрошу вас следить за своей речью.

– Ага, – согласился папа и засмеялся. – Дед у нас голубков пускает.

Я искренне надеялся, что мама с папой что-нибудь придумают. Как минимум у нас свободна кухня, и ещё коридор большой. Ведь дед точно не голубков пускает. А если и их, то они сразу дохлые вылетают.

* * *

В день приезда бабки с дедом, несмотря на то, что вставать надо было рано утром, мы с Вовкой напросились с папой встречать их. Мама занималась подготовкой к встрече, и возражать не стала.

– Без вас спокойнее будет, – сказала она, и мы с папой отправились на вокзал.

Мы стояли на перроне, когда поезд подъехал. Папа рассчитал так, что мы оказались практически напротив девятого вагона. Поезд остановился, проводник открыл дверь, и пассажиры стали выходить. Народ шёл, а бабки с дедом всё не было. Даже когда люди перестали выходить, они всё равно не появились.

– Может, мы вагон перепутали? – спросил я.

– Или поезд? – предположил Вовка.

– А может, они передумали приезжать? – с надеждой в голосе добавил свою версию папа.

Но тут в дверях появился запыхавшийся проводник.

– Это не ваши там? – спросил он у папы.

– Бабка с дедом?

– Точно. У меня уже терпения не хватает. Идите сами туда.

Мы с папой прошли в вагон. За нами следом проводник.

– Вон туда, – подсказывал он нам, хотя это было ни к чему. Бабку было слышно из тамбура.

– Говорила я тебе, вошь плацкартная, что не трамбуй! Так нет! Лучше бы зад свой туда затрамбовал!

Мы подошли и увидели, как дед пытается достать из-под сиденья рюкзак, а бабка в свойственной ей форме высказывает своё мнение о деде.

– Здравствуйте, мои хорошие, – бабкин крик прекратился, как только она увидела нас. – Как же я соскучилась по вас. А ну, обнимите бабуку.

В итоге выяснилось, что дед положил рюкзак в ящик под сиденье, но он не очень туда помещался и дед решил его уплотнить.

– Мозги бы тебе уплотнить, – ворчала бабка.

– Нас тоже мама собирается уплотнять, – услышал Вовка знакомое слово.

– Давно пора, – согласилась бабка с мамой.

Наконец-то дед и папа с помощью проводника вытащили рюкзак из-под сиденья. Папа было взялся его нести, но дед сказал, что он никому не доверит ценный груз.

– Что там ценного-то? У тебя ж окромя вставных зубов ценностей-то и нет.

– Что надо, то и есть, – невозмутимо ответил дед.

Через несколько минут мы уже шли от вокзала к стоянке такси.

– Мы тут минут сорок на морозе проторчим, – заметил папа, оценив очередь.

– Мне так долго стоять нельзя. У меня радикулит, – заметил дед.

– Зато менингит тебе не грозит. У кого мозгов нет, тому нечего отмораживать, – съязвила бабка.

Видимо, ввиду отсутствия нас все внимание бабки доставалось деду.

– Значит, на метро, – заключил папа, и мы пошли к метро.

* * *

– Стойте тут, я пойду пятаков наменяю, – сказал нам папа, оставив нас с бабкой и дедом возле турникетов.

– Чё это? – спросила бабка, указывая на турникет.

– Турникет, – объяснил я. – Бросаешь пять копеек и проходишь.

– Зачем? – не поняла бабка.

– Ну, это как в автобусе за проезд, – пояснил Вовка.

– Ааааа. Ясно. Так у меня есть пять копеек, – сказала бабка.

– Ну, тогда можно идти, – ответил я.

Бабка достала кошелёк, извлекла оттуда пяточки и пошла к турникетам.

– А ты чё, старый, примёрз? Держи пятак и шлёпай за мной, а то щас как уплотню тебя. И вы не отставайте.

– Мы папу подождём, а вы проходите и ждите нас с той стороны, – ответил я.

Дед повесил рюкзак на плечи и поплёлся за бабкой.

Бабка подошла к турникету, посмотрела, как проходят люди, и, бросив пятак в монетоприёмник, пошла. Дед за ней.

Бабка-то прошла, а вот деду досталось «костылями». Куда именно, я не понял. Он просто стоял и дергался в проходе между турникетами, пытаясь освободиться, запутавшись

тулупом в «костылях».

– Твою в деревню! Как тебя угораздило-то?

– Дык я за тобой пошел.

– Жив?

– Ага, – ответил дед. – Только испугался малёха. Хорошо, что в поезде в туалет сходил. Точно обконфузился бы.

Тут подбежала тётенька-контролёр.

– Дедуля. Не дёргайтесь, а то турникет сломаете.

– Я тебя щас сломаю, – вступилась бабка. – Вон и костыли уже готовы. Дед у меня всю войну прошел без единого ранения, а вы ему тут чуть яйца не оторвали. За наши же деньги.

– Никто никому ничего отрывать не собирался, – пояснила тётенька.

– Тогда верни наши деньги и деда освободи.

– Вот мой пятак. В сохранности, – продемонстрировал дед монетку.

– Так вот поэтому вам проход и перекрыло, – объяснила тётенька. – Нужно было пятачок сюда бросить и проходить.

– Так бабка бросила уже.

– Бросила, – хмыкнула бабка. – Бабка щас тебя тут бросит, чтобы мозги поискал. Народу-то много. Может, и обронил кто, а ты найдёшь, если повезёт. Только большие не бери, а то шибко умным станешь.

Дед бросил пятак в турникет для прохода.

– Вот, теперь можно, – сказала тётенька. – Идите.

Дед замешкался, и бабка, видимо, решила ему помочь.

Пошла к нему обратно через тот же турникет, куда дед бросил пятак.

– Да не вы, – спохватилась тётенька, – стойте. Вы идите, – сказала она деду.

Но было уже поздно. Теперь дед метнулся к проходу, и его опять прижало «костылями».

– Зачем вы пошли обратно? Теперь проход перекрыло из-за вас. Проходите уже тут, – тётенька позвала деда и пропустила его.

– Деньги верни, раз деда даром пустила.

Тут как раз подошел папа.

– Что у вас тут произошло?

– Да хрен поймешь тут вас с вашим метро. То стой, то иди. Дед, вон, пошел, чуть без яиц не остался. А эта ещё пять копеек не хочет возвращать, – проворчала бабка.

– Не могу я вам деньги вернуть. Так не делается, – попыталась объяснить тётенька.

– Валентина Николаевна, пойдёмте. Я отдам вам пять копеек. Не стоит из-за этого шум поднимать, – успокаивал бабу папа.

Разобравшись с проходом, мы пошли дальше. Турникет – это была только разминка. Всё интересное было ещё впереди. После небольшой давки перед эскалатором, в которой бабка успела «полюбезничать» с особо напиряющими гражданами, мы добрались до самого эскалатора. Тут бабу ожидал очередной сюрприз.

Увлекаемая толпой, она не обратила внимания на то, что ступеньки автоматические. Когда бабка ступила на них, она не ожидала, что они движутся. Да и толпа народа немного разделила нашу группу. Мало того. Перед ней открылась глубина нашего погружения.

– Мать вашу! – орала она. – Вы куда меня завели? Дед, сдавай назад. Я туда не пойду! Похоронить заживо решили!

Дед и сам был в небольшом смятении. Он, конечно, видел по телевизору метро, в отличие от бабки, которая не любила этот ящик, но перспектива погрузиться так глубоко под землю его, видимо, тоже мало радовала.

Бабка же, цепляясь за поручни, пыталась взобраться наверх по ступенькам, тем самым доставляя массу неудобств пассажирам, но эскалатор беспощадно вёз её вниз.

Паника имеет свойство быстро распространяться, и те, кто ехал рядом с бабкой и дедом, возмущались их поведением. Потому что бабка нещадно бранилась, а дед рюкзаком давил людей. Те же, кто ехал выше, не могли понять причины суеты, но проявляли беспокойство. Те, кто только собирался спускаться, на всякий случай воздержались. И как это обычно бывает, кто-то крикнул «Пожар!». То ли для смеху, то ли не разобравшись в причине суеты.

Вот тут паника и достигла своего апогея. Народ наверху попятился назад, к выходу. Дежурный по эскалатору, не зная сути происходящего, но заметив какое-то подозрительное движение наверху, на всякий случай отключил его, и от

резкого тормоза народ чуть не попадал. Конечно же, в том месте, где был центр паники, народ местами упал, потому что бабка орала, а дед крутился и сшибал окружающих своим рюкзаком.

– Да снимите вы свой рюкзак! – орал кто-то из людей. – Всех поубиваете!

– Я щас сама всех тут поубиваю, если не пустите меня наверх. А ну, посторонись, интеллигенция тифозная, – бабка отпихнула какого-то мужичка в очках.

Дед решил, что рюкзак и правда лучше снять. Он снял его и поставил на поручни. Но видимо, где-то не удержался или кто-то его нечаянно толкнул, но дед выпустил рюкзак из рук...

Хорошо, что фонари на эскалаторе были на высоких металлических ножках, а не стеклянные плафоны. Рюкзак поехал вниз, поочерёдно сталкиваясь с фонарями. На третьем или четвёртом фонаре его траектория изменилась, и он влетел в стоящий на эскалаторе народ.

– Вы там что? Совсем охренели? – орал снизу.

– Там ничего не разбилось? – орал дед.

– Сейчас лицо у кого-то там наверху разобьётся, – ответил один дяденька, потирая макушку.

– Мокро и воняет из вашего рюкзака, – отозвались снизу.

– Знатно воняет, – кто-то добавил. – Градусов на 70, не меньше.

– Это чёй это? – бабка забыла про свой страх и переключо-

чилась на деда. – Это когда ты успел, паразит?

– Так сувенир. Подарок.

– Вы посмотрите на него! – возмущалась бабка. – Бабка тут чуть не померла, а он за сувенир переживает. Я те устрою щас подарок! Самого на сувениры разделаю и раздам людям!

Народ перешел уже на положительный настрой, а папа стоял весь красный и даже как-то растерялся. По его виду было понятно, что ему хотелось сказать: «Они не со мной».

Но самое интересно было ещё впереди. Ведь нам нужно было ещё доехать до дома. А поездка на метро, это масса новых впечатлений для бабки с дедом.

Глава 2. В метро

Эскалатор наконец-то включили и все благополучно спустились вниз. Ну, почти благополучно. Когда бабка с дедом доехали донизу, то образовалась ещё одна небольшая свалка. Те, кто ехал перед бабкой с дедом, предусмотрительно уплотнились ещё до пуска эскалатора. Все продвинулись чуть вперёд. На всякий случай.

– Дед! Мне щас ноги отрежет! Иди вперёд! – орала бабка, заметив, как приближается конец лестницы и ступеньки скрываются куда-то в подпол.

Дед тоже, видимо, не желал расставаться с ногами и неуклюже пятился назад, создавая тем самым новую давку.

– Валентина Николаевна! – не выдержал папа, там самым непроизвольно признаваясь в непосредственном знакомстве с бабкой. – Просто перешагните, и всё!

– Прыгай бабуля! – кричал кто-то из людей.

– Давай смелее! – поддерживал народ.

Наконец-то ступеньки довели бабку до конца, и она неуверенно шагнула, и оказалась на твёрдой поверхности. Следом дед, а затем уже и вся толпа навалилась.

Навалилась, создавая новую пробку, потому что бабка с дедом как оказались на твёрдой поверхности, так и остались на ней, не двигаясь с места. Бабка пыталась поправить одежду, а дед хотел проверить содержимое рюкзака...

– Что же за люди такие? – возмущалась бабка, когда мы стояли уже в стороне вместе с дежурным по эскалатору и молодым милиционером.

– Ну, это же общественный транспорт, – поясняла тетенька. – Тут нужно внимательнее.

– Внимааательнееееей, – передразнила её бабка. – Они что, подождать не могли, пока я оправлюсь? Нет же, надо переть и в спину толкать ещё.

– Так все спешат, а вы проход перекрыли, – оправдывалась тётенька.

– Это ты на что намекаешь, тля подземная? – завелась бабка. – Это типа я такая толстая, что меня и не обойти? Это вы всё в своих городах бегаєте как глисты в жопе. Оттого и тощие такие. Пошли, дед!

Бабка толкнула плечом тётеньку и проследовала вперёд. Милиционер хотел что-то сказать, но бабка посмотрела на него так, что у того отпало всё желание высказывать своё мнение, дабы не услышать, чего лестного в свою сторону.

Наша процессия, попахивая дедушкиным рюкзаком, двинулась дальше покорять Московскую подземку.

– Опять в поезд? – спросила бабка у папы, увидев толпу народа на платформе и рельсы.

– Ну, почти. Это метро, – пояснил папа.

Тут из туннеля показался поезд.

– Какой наш вагон-то? – спросила бабка.

– Да любой, – ответил папа.

– Скажи, что и места ещё любые, – съязвила бабка.

– Вы не поверите, но именно так.

Поезд подъехал, и мы все зашли. Конечно, все места были заняты, и бабка в растерянности озиралась по сторонам, создав очередную пробку для входящих пассажиров, которые тихо ругаясь, обходили её.

– Где моё место? – спросила она, повернувшись к папе.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...

– Станция Дерезай, кому надо вылезай, – сострил дед.

Состав тронулся, чуть качнув пассажиров. В отличие от других, дед не был готов к этому. Он навзничь повалился со своим рюкзаком назад. Народу было не то чтобы битком, но стояли вполне плотно. Поэтому сработал эффект домино. Несколько людей в проходе тоже завалилось.

– Да что же это такое? – раздался чей-то сдавленный голос из-под деда.

– Я щас-щас, погодь. Щас встану, – дед пытался подняться

на ноги. Ему помогали рядом стоящие пассажиры.

– Ногу-у-у-у! Ногу-у-у-у убери-и-и-и! – орал уже сдавленным голосом всё тот же человек из-под деда.

– Ох ты! – спохватился дед, заметив, что уперся коленом в пах тому человеку, пытаюсь встать.

Наконец все поднялись.

– Садитесь, пожалуйста, – уступил кто-то деду место.

– Я чё-то не поняла, – продолжала возмущаться бабка. – Мне тоже надо пол вагона повалить, чтобы сесть?

Народ, видимо, решил не проверять, и сразу освободилось несколько мест вокруг бабки.

– Садитесь голодранцы, – предложила нам бабка, заняв свободное место.

– И ты чахлый, тоже садись, – бабка кивнула на свободное место, приглашая сесть дяденьку в очках и с портфелем.

– Мне сейчас выходить, – сказал, покраснев, дяденька и стал протискиваться к дверям.

– Иди милоч. Кушай больше, – напутствовала его бабка.

Мужчина возмущенно оглянулся, но решил промолчать.

– И долго нам ехать в тоннеле? – обратилась бабка к папе. – Как кроты в норе.

– Валентина Николаевна, это метро, – пояснил папа. – Мы все время под землёй будем ехать.

– Смерти моей хотите, – вздохнула тяжело бабка.

– А мне нравится, – улыбался дед с сидения напротив, выглядывая из-за стоящих людей. – Только жарко. Я тулуп, на-

верное, сниму.

Дед встал и попытался расстегнуться.

– Да что вы тулупом своим мне в лицо тычете? – возмутилась сидящая рядом с дедом тетенька. – Перестаньте руками махать и поставьте уже свой вонючий рюкзак на пол.

– Дык жарко же. Я раздеться хочу, – пробубнил дед, крутясь и пытаясь пристроить рюкзак. – И никакой он не вонючий.

– Не нравится, ездите на такси, – заступилась бабка за деда. – Ишь, какие мы нежные. Лучше помогла бы пенсионеру.

– Да ладно, я передумал, – сказал дед, усаживаясь обратно.

Народ улыбаясь поглядывал на деда, а не бабку с опаской. Бабка, скорее всего, внушала меньше доверия, чем дед.

* * *

Без особых приключений мы доехали до Таганской и нужно было делать переход.

– Мы сейчас выходим, – предупредил папа бабку с дедом.

– Приехали? – обрадовалась бабка.

– Нет. Нам на другую ветку перейти надо.

– Всё у вас не слава богу, – начала ворчать бабка. – То, как кроты под землёй прёмся, то, как птицы с ветки на ветку прыгаем.

Папа направился к выходу, тем самым дав понять, что по-

ра. Мы встали, дед тоже подорвался, следом присоединилась бабка. Плотный поток пассажиров помог всем выйти из вагона. В этом потоке бабка ворчала на людей, которые пытались уже зайти в вагон.

– Да куда вы прёте? Без вас не уедут, – и для профилактики съездила котомкой по ногам какому-то дяденьке.

– Нам туда, – командовал папа и пошел в сторону перехода.

Бабка недовольно проследовала за нами в указанном направлении. Через несколько секунд она спохватилась.

– А где старый-то?

Папа остановился и оглянулся назад в поисках деда.

– Дед! – орала бабка. – Ау!

– Да не кричите вы. Не в лесу. Вон он, возле колонны стоит, – заметил папа деда.

– Ты чё там примерз? – продолжала кричать бабка.

– Красота-то какая, – изрек дед, разглядывая колонны и станцию в целом.

– Вот и живи в этой красоте, а мы пошли, – крикнула бабка и пошла в сторону перехода.

– Неее, я с вами, – спохватился дед и, забросив на плечи рюкзак, кинулся догонять нас.

* * *

Нам осталось доехать до Текстильщиков и далее на авто-

буса до дома. Когда мы сели в вагон, бабка, уже наученная опытом, решила сразу согнать кого-то с места. Ближайшей жертвой оказался мужчина, который прикидывался спящим. А может, и правда дремал, но после того как бабка пихнула его сумкой, он сразу проснулся.

– Дома спать надо, – урезонила его бабка.

– Что? – переспросил дяденька.

– Глухих повезли, – сострила бабка.

– Чё? – не понял он шутки.

– Хрен держать в руке, когда писаешь не горячо? – продолжила фольклор бабка. – Жопу подыми, сесть хочу.

Народ хихикнул, а смущенный мужчина уступил бабке место. И деду тоже на всякий случай уступили.

Весь оставшийся путь мы проехали без приключений. Подъем наверх бабку с дедом уже не пугал, и мы благополучно выбрались на улицу.

– Теперь ещё на автобусе и мы дома, – сказал папа.

– Охотно поверю, – пробубнила бабка и мы пошли на остановку.

В автобусе мы благополучно сели на свободные места, и бабка сразу заметила.

– Места для пожилых людей, инвалидов и пассажиров с детьми. Как раз для нас.

– Конечно, – согласился Вовка. – Вы пожилые, а мы дети.

– А вот и не угадал. Вы дети инвалиды с отеком мозга.

– Валентина Николаевна. Я бы попросил, – вступился за

нас папа.

– А что я такого сказала? – удивилась бабка. – Здоровые дети билеты не жрут. А где, кстати, кондуктор?

В автобусе бабка поразилась отсутствию кондуктора.

– Тут нет кондуктора, – пояснил я.

– А где вы билет за проезд оплачиваете?

– Да вот, – пояснил я. – Бросаешь пяточек, крутишь и отрываешь.

– А если не брошу? – спросила бабка.

– Нуууу... – замялся я. – Ну, как-то все бросают, наверное.

– Хочешь сказать, что все такие честные и ни одного жулика нету?

– Я не знаю, – сдался я. – Я не замечал. Раз сел, значит, плати.

– А я бы оторвал и не платил, – сказал дед.

– То, что ты жулик, я и не сомневалась, – сказала бабка. – Только тут, наверное, тоже не дураки придумывали. Может, ты и оторвешь без пяточка, а тебе яйца за это оторвут.

Дед невольно потрогал место, где находятся яйца и поморщился.

– Ну, я это так. К слову сказал, – попытался он оправдаться.

– Ну, а тебе так, к слову, вдруг и оторвут, – продолжила бабка.

Народ с интересом слушал диалог бабки с дедом и некото-

рые даже тихонько посмеивались. Но тут, на одной из остановок в автобус вошла тетенька и, представившись контролёром, попросила предъявить всех билетики.

– Вот и смерть твоя пришла кощей бессмертный, – ухмыльнулась бабка. – Сейчас тебя граждане сдадут за антисоветские и вредительские речи.

– Я на самом деле ничего такого не думал, – оправдывался дед. – Это я так, к слову сказал.

Но контролер прошел по автобусу, проверил билеты и ничего с дедом делать не стал. Дед облегченно вздохнул.

Мы доехали до нашей остановки, вышли и пошли к дому.

Глава 3. За Гамлета

– Ну, наконец-то!

Мама выбежала нам навстречу, услышав, как мы заходим.

– Раздевайтесь, умывайтесь с дороги и можно отдохнуть, – сказала она. – Вечером за стол. У меня почти всё готово.

– По какому поводу пир? – поинтересовалась бабка.

– Так по поводу встречи, – блеснул интеллектом Вовка. – Что приехали к нам.

– Слава богу, что доехали. Пропади пропадом ваша Москва. Чтоб она в метро ваше провалилась, – подвела итог бабка.

– А я с радостью, – высказался дед.

– Во-во. Тебе бы лишь пожрать, – урезонила его бабка. – Бабка чуть на тот свет не ушла пешком с адской лестницы, а тебе пожрать.

– Хорошо, что все доехали, – заступилась мама за деда. – Пойдите пока руки помойте, и сядем чаю попьем.

* * *

Нам с Вовкой тоже нравилось, когда приезжали гости, и мама накрывала стол. Значит, будет оливье, лимонад и, если повезёт, то даже торт. Время до вечера пролетело быстро.

Когда все уселись за стол, дед заговорщицки подмигнул папе и достал откуда-то из-под стола пузырь мутной жидкости. Пузырь был точно такой же, каким мы бомбили немцев из истребителя.

– Опять будем немцев бомбить? – обрадовался Вовка.

– Печень бомбить они будут, – ответила бабка. – Ты где, ирод, ещё один пузырь достал? Ты же свою сивуху в метро разбил.

– А ты думала, что я с одним поехал? Ха! – усмехнулся дед. – Я, когда проверил рюкзак и увидел, что один целёхонек, так печаль моя и поубавилась.

– Зато печень поприбавится, – парировала бабка.

Дед откупорил бутылку с зажигательной смесью и налил себе и папе в рюмку.

– А чё? Поболее посуды не будет? – поинтересовался он у мамы. – Из такой даже не почувствуешь вкуса.

Бака глянула на деда.

– Ну, нет так нет, – ответил дед и поднял рюмку.

– Пить или не пить? Вот в чём вопрос, – произнёс дед, глядя в мутную жидкость сквозь стекло.

– Совсем, что ли, сбрендил? – удивилась бабка.

– Дура ты, – обиделся дед. – Это Гамлет сказал.

– Дружбан-алкаш твой, что ли, какой? Так у твоих дружков никогда не стоит вопрос – пить или не пить. У вас даже вопрос – добавить или не добавить-то не возникает. Пьёте до зелёных человечков.

– По радио я слышал, а не от дружков. Совсем культурой не интересуешься, – сумничал дед.

– Если быть точным, то вопрос стоял – быть или не быть, – поправила мама.

– Ну, значит, будем! – сказал дед и опрокинул рюмку в рот.

– Хорошоаааа зараза, – приговаривал дед, заедая огурцом. – Повторим?

– Куда тебя несёт? Алкаш гамлетовский, – напала на деда бабка. – Человек ещё первую не выпил, а ты уже ко второй тянешься.

Папа тоже выпил содержимое рюмки, но молча, без слов. Так же крикнул и съел огурец.

– Дааааа, – согласился папа и, махнув рукой, сказал, наливай.

– За Гамлета! – сказал дед и выпил.

– Не возражаю, – поддержал папа.

Я так подумал, что Гамлет очень уважаемый человек, раз по радио передают его слова, и папа с дедом пьют за него. А ведь если за кого-то пьют, то определённо, это значимый и важный человек. И я, чтобы не показаться необразованным дураком, как бабка, решил поддержать Гамлета.

– Быть или не быть? Пить или не пить? – произнес оба варианта речи всеми уважаемого Гамлета, с умным видом, поднимая бокал лимонада. – За дядю Гамлета!

– И малой туда же, – махнула рукой бабка. – А мы... за

нас с тобой выпьем, а не за каких-то алкашей-грузин.

– Почему сразу грузин, да ещё алкаш? – возмутился дед.

– Ты своё сказал, не мешай другим, – бабка допила и, поморщившись, занюхала помидоркой.

Ещё долго родители и бабка с дедом потом за столом обсуждали Гамлета и прочих друзей деда. Папа заступался за деда, мама за Гамлета, а бабка крыла всех, вместе взятых, и говорила, что ей без разницы – грузин Гамлет или нет.

– Пойдем, перекурим, – предложил дед папе, решив закончить с этим спором.

– Пошли.

– А я пойду пока горячее достану, – сказала мама.

Бабка тоже встала следом за мамой и отправилась на кухню помогать ей с горячим.

* * *

– Как думаешь? – спросил я у Вовки и показал на бутылку с мутной жидкостью. – Это вкуснее лимонада?

– Не знаю, но папе с дедом нравится, – ответил Вовка.

– Может, попробуем. По чуть-чуть, – предложил я.

– А не влетит? – засомневался Вовка.

– Мы немного. Не заметят, – успокоил я его и взял бутылку.

Я налил нам с Вовкой немного, на самом доньшке. Воняло отвратно. Вовка тоже понюхал и поморщился.

– Воняет, – сказал он.

– Зато, наверное, вкусно, – сказал я и со словами «За Гамлета» махнул, как это делали папа с дедом.

В следующую секунду мне показалось, что легкие мои перестали работать и в горле пекло как от тысячи углей. Я как рыба хватал ртом воздух, но от этого становилось ещё хуже. Из глаз брызнули слёзы.

– Огурец! Ешь огурец! – орал Вовка.

Я сначала подумал, что, может, и правда нужно огурец съесть, но потом понял, что огурец – это лишнее. Помимо того, что я с трудом дышал, так ещё к горлу подкатывали спазмы. Через некоторое мгновение меня вывернуло.

На весь этот шум и возню прибежали с кухни мама с бабушкой.

– Чёй это? – не поняла бабушка.

– Что случилось? – спросила мама.

– Он за Гамлета выпил, – пояснил Вовка. – Правда, огурец забыл съесть. Вот и плохо ему стало.

– Что выпил? – не поняла мама. – Какой огурец?

Бабушка взяла мой бокал и понюхала.

– Ясно всё, – сказала бабушка. – Самогона дедовского хлебнул.

– Как же так? – причитала мама. – Зачем ты пил это?

– Дед с папой сказали, что вкусно, – ответил за меня Вовка.

– Клизму надо ему сделать, – предложила бабушка.

– Не хочу клизму, – сразу пришел в себя я.

– А как же без клизмы? – не отступала бабка. – Клизму обязательно. За Гамлета.

– Мама. Да что ты такое говоришь, – заступилась за меня мама. – Пойдем, умоемся в ванну.

Как раз в этот момент, когда мы шли умываться, вернулись папа с дедом.

– Ой! А чё это с ним? – удивился дед, поглядев на меня.

– Я щас вопрос твой и тост перефразирую, – сразу напала бабка на деда. – Бить или не бить?

– А впрочем, у меня вопросов нет. Не буду я у вашего алкаша Гамлета ещё разрешения спрашивать.

И сняв тапок с ноги, заехали им деду между глаз. Тапок был хороший, добротный, на твёрдой подошве. Дед это почувствовал и оценил на себе. На лбу у деда сразу начала надуваться шишка.

– Сдурела, что ли, совсем? – дед тёр ушибленный лоб.

– Я сейчас действительно сдурею и совсем пришибу тебя! – разошлась бабка. – Ребенок твоей сивухой отравился.

– Я что? Наливал ему, что ли? – оправдывался дед. – Как отравился?

– Достаточно того, что ты привёз эту отраву в дом. Гамлет недоделанный! Алкаш просвещенный! Ты у меня ни пить, ни быть не сможешь!

Бабка продолжила лупить деда тапкой, приговаривая.

Я все это слышал из ванной, сквозь шум воды, пока меня

умывала мама. Мне даже стало жалко деда, ведь он совсем не виноват. Откуда я знал про то, что может нравиться деду с папой, совершенно не понравится мне и Вовке. Хотя Вовка, кажется, даже и не успел попробовать.

Через несколько минут, когда меня привели в порядок, все снова собрались за столом. Меня, конечно, хотели отправить полежать, но я возразил.

– Куда? Дай сюда! – бабка пресекла попытку деда взять пузырь. – Мало тебе, что ли?

– Да я-то при чём? – продолжал оправдываться дед.

– Действительно, Валентина Николаевна, – заступился папа. – Дети сами поступили нехорошо, взяв без спросу со стола то, что брать нельзя. В следующий раз мы не оставим без присмотра.

Кое-как общими усилиями пузырь отбили у бабки и застолье продолжилось.

– Смотри, – шепнул мне Вовка. – У меня-то осталось.

Вовка показал мне свой бокал, в котором осталось то, что я наливал нам из бутылки.

– Вылей, – поморщился я, вспоминая свои ощущения.

Но Вовка, не будучи очень ответственным и послушным сделал всё наоборот. Он вылил, конечно, но в себя. Со словами: «Я тоже хочу за Гамлета», взял бокал, огурец и нырнул под стол.

Через несколько секунд история повторилась. Но Вовка оказался впечатлительнее. Он рыдал, мама металась вокруг

стола, пытаясь достать Вовку. Бабка ломилась с тапкой за дедом, а мы с папой пытались просто уворачиваться, чтобы не попасть под эту карусель.

* * *

Через несколько минут все стало на свои места. Вовку отмыли, как и меня, в ванной. Дед сидел с новой шишкой, а пузырь с мутной жидкостью вылетел в окно.

Во время всей этой карусели. На очередном круге бабка схватила пузырь, распахнула окно и швырнула его точно так же, как мы швырнули другой пузырь в немцев. Мама увидела и закричала на бабку, что так нельзя, может кому-то по голове попасть. Бабка кричала, что так им и надо.

Судя по всему, застолье подходило к концу. Мама сказала, что торт с чаем, будем пить уже завтра, а сейчас нужно приготовиться ко сну, потому-то время уже позднее и надо убрать со стола и ещё всех разместить.

Произошло то, чего я больше всего опасался. Нас с Вовкой решили уплотнять. Бабку с дедом поселили у нас в комнате. Мама предложила постелить им на кровати, а нас разместить на полу.

– Сомневаюсь я, что это здравая мысль, – возразила бабка. – Смотри как места мало. Если положить их на полу, то прохода совсем не останется. Встану я ночью в туалет и раздавлю их как тараканов.

Быть раздавленным мне не хотелось, Вовке, думаю тоже и мы единогласно с Вовкой проголосовали, что мы дети и должны спать на кровати. А если уж и давить кого, так это бабу с дедом. Да и не раздавишь их. Если бабка ляжет на пол, то вставать уже бесполезно до тех пор, пока она не проснётся. Потому что перелезть через неё, это как совершить многодневный и сложный переход через Альпы.

Глава 4. Про припарку мёртвому индейцу

Мы с Вовкой остались на своих местах, а бабушке с дедом положили на пол матрас и ещё ватное одеяло для мягкости. Бабушка сказала, что если будет один матрас, то это как мертвому припарка.

Я спросил, что значит «припарка мертвому»?

– Это как вас с Вовкой, лупи не лупи, а толку мало, – пояснила бабушка.

– А зачем мертвецу припарка? – не удовлетворился ответом Вовка.

– Вот и я говорю. Незачем.

– Тогда зачем? – не унимался Вовка.

– Угломоните кто-нибудь ребёнка, пока я в себе, – попросила бабушка.

Мне представилось, как бабушка выходит из себя и вот уже две бабушки. Я решил до греха не доводить и успокоить Вовку, пока он не наплодил бабок.

– Я тебе потом объясню, – сказал я ему и потянул на кухню, подальше от бабушки.

– Вы купаться будете в ванной? – спросила мама – Или под душем?

– Я вообще не понимаю, как в вашем корыте купаться

можно. Там даже повернуться негде. Не говоря уж о том, чтобы помыться.

Пока мама выясняла с бабушкой вариант принятия ванны, я Вовке решил объяснить про мертвецов и припарки.

– Понимаешь, – говорил я Вовке, – Припарка – это как пар в бане.

– Ну, – согласился Вовка.

– А мертвецам пар без толку.

– А зачем мертвеца в баню? – не понял Вовка.

И тут мне пришла идея, как наглядно показать Вовке припарки и, может быть не совсем для мертвецов, а наоборот, и на живом примере.

– Щас бабушка купаться пойдет и я покажу, – сказал я Вовке.

* * *

Судя по тому, что бабушка с полотенцем через плечо проследовала в ванную, я понял, что вопрос с купанием решен. Следом за бабушкой семеня дед.

– Будешь страховать, – пояснила ему бабушка.

Мама показала, как включается душ и как регулируется вода, и что шторку надо прикрыть иначе соседей снизу зальём.

Из ванной комнаты доносился шум воды и бабушки.

– Теплее крути, – регулировала бабушка воду с помощью дед. – Ещё теплее. Да куда ты шпаришь! Холоднее. Теплее.

– Пошли, – позвал я Вовку.

Воспользовавшись тем, что родители разбирают постель, а бабка с дедом в ванной и нас никто не видит, я повел Вовку показывать, как работает припарка.

– Заходи, – позвал я его в туалет, – сливай.

И Вовка слил воду из бочка...

Припарка подействовала незамедлительно. В ванной сначала раздалось «Ох!», потом «Твою ж мать!» и затем «Откручивай назад! Я тебе... ох! Яйца откручу!»

Затем ещё много бранных слов в адрес деда и какая-то возня.

В дополнение к нашей припарке дед, видимо, что-то там ещё напутал и стал крутить не в ту сторону. Это стало понятно по тому, как стала не по-человечески визжать бабка. По сотрясению стен и двери.

Мы с Вовкой вовремя успели сбежать из туалета на кухню и всё дальнейшее действие наблюдали оттуда.

Сразу прибежали мама с папой и стали пытаться открыть дверь, но это не понадобилось. В ту же секунду дверь с треском распахнулась, выломав щеколду, и из ванной вылетел мокрый дед, а следом бабка. Папа с мамой еле успели увернуться от пролетевшего мимо них урагана в виде бабки, краснолицей и замотанной в штору из ванной. В одной руке, как у индейца, у неё была палка, на которой ранее висела штора на манер копья, а в другой, намыленная мочалка, которой она пыталась хлестать деда.

Папа с мамой растерянно посмотрели на нас, как бы спрашивая: «Вы устроили?» Мы недоуменно пожали плечами, как бы отвечая: «Сами не знаем, в чем дело».

В это время, судя по звукам, бабка, видимо, загнала деда в угол.

– Сантехник недокрученный! Я тебя щас докручу! Я ж человеческим голосом просила – откручивай!

– Дык я крутил, – оправдывался дед.

– Я вот щас тебя на палку накручу! – орала бабка. – Сварил меня заживо.

Мама с папой бросились на выручку деду. Мы побежали следом.

Как и предполагалось, бабка как вождь краснокожих загнала деда в угол и поочередно, то тыкала его «копьем», то лупила мочалкой так, что брызги и пена летели в разные стороны. Дед в качестве защиты прикрывался подушкой и парировал бабкины атаки.

– Что случилось? – спросила мама.

– А ты поинтересуйся у водопроводчика! – орала бабка. – Чёрт бы подрал вашу ванну с душем!

Бабка наконец-то перекипела и отстала от деда.

– Неси одежду! И полотенце!

Дед посеменил в ванную комнату, что-то ворча себе под нос. Через минуту он вернулся, неся с собой полотенце и бабкину одежду.

– Я пошел, – заявил он.

– Куда это ты собрался? – удивилась бабка.

– Ну, я хоть мокрый уже весь и в мыле, но я хочу ванну попробовать.

– Смотри, чтоб тебя там в слив не засосало.

Бабка вручила деду шторку с палкой и, перекрестив его, отпустила с богом.

* * *

Папа вернул на место душевую штоку и ещё раз показал деду как всем пользоваться. Дед сказал, что он уже учёный и разберётся, где шампунь, а где мыло.

– Что-то долго он там, – начала переживать бабка спустя некоторое время. – Не дай бог, утоп. Пойду посмотрю.

Мы с Вовкой, конечно, понимали, что в ванне утонуть невозможно, но тоже испугались за деда и побежали вслед за бабкой.

– Дед! – бабка постучала в дверь ванной комнаты. – Ты жив там?

– Да что ты говоришь-то такое мам, – мама выглянула из кухни. – Что с ним будет-то в ванной?

– Да знамо что. У вас там как на катке. Я чуть не убилась, а дед на коньках слабо умеет. Дед!

– Открыто! – раздался из ванной довольный голос деда.

Бабка открыла дверь и заглянула внутрь. Дед наслаждался цивилизацией, насколько это было возможно. Выпустив в

ванну почти весь флакон шампуня, он лежал в ванной, окутанный шапкой пены. Одна голова торчала на поверхности, на которой пышная шевелюра из пены и огромная борода из неё же.

– Смотри, – восторженным голосом произнёс он. – Я как бог в облаках. И тепло как у него за пазухой. То есть, значит, у меня.

– Тьфу ты. Я думала, чё случилось с тобой, а ты тут с ума просто сошёл. Давай возвращайся в бренный мир. Повелитель мочалок.

– погоди. Я уже сотворил небо и твердь. Тьму и свет. Воду и рыб. Дело за человеком осталось.

– Если щас же не вылезешь, я тебе сотворю тьму, – предупредила бабка. – Выключу свет и будешь на тверди ночевать. Пять минут у тебя. – и удалилась.

Дед немного поворчал на тему, что не дают ему нормально отдохнуть, но спорить не стал. Сказал, что спать предпочитает всё же на творениях рук людских. То есть на матрасе и подушке. Ровно через пять минут он явился.

– Николай! – позвал он папу. – Может, на сон мы с тобой того. По пять капель?

– Так последние капли на улицу улетели, – напомнил папа.

– Точно, – поник дед и покосился на бабку. – Сотворил себе на беду человека.

– Нечего губы тут втягивать. Готовься ко сну. А не то щас сотворю тебе козью морду.

Прежде чем дед с бабкой улеглись, необходимо было улечься нам с Вовкой. Главное – ничего не забыть, потому что бабка предупредила насчет хождений. Сказала, что если хоть одна нога до утра опустится на пол, то вторая уже не успеет. Потому что первую она вырвет и закинет обратно на кровать. Звучало страшно, но мы с Вовкой понимали, что бабка так шутит. И мама сказала, что шутка не смешная, а бабка предложила нам проверить. Мы решили на всякий случай воздержаться.

– Ну что? Все по местам? – уточнила бабка и выключила свет.

Насчет ограничения передвижения ночью бабка отчасти не шутила. Дело в том, что места в комнате было очень мало, и чтобы положить на пол матрас, надо сначала было закрыть дверь. Ну или спать с открытой дверью. Поэтому если ночью кому вдруг приспичило бы, то пришлось бы вставать всем. Бабке с дедом уж точно. Для того, чтобы отодвинуть матрас и открыть дверь.

– Баб, а ты припарку почувствовала? – поинтересовался Вовка. – Ты прям как Чингачгук выскочила из ванной.

Послышалось, как в темноте дед пытается сдерживать смешок. Затем послышался шлепок. Судя по всему, бабка пояснила деду, что смеяться повода нет.

– Спите уже. Со своим Чук и Геком.

– Чингачгуком, – поправил дед.

– Я смотрю, кому-то весело живётся? Сейчас кто-то с чунга-чангой пойдёт спать на кухню.

– Чингачгуком, – теперь поправил бабу Вовка. – Вождь краснокожих.

– Ох, щас я встану, и кто-то у меня станет вождём красножопых.

Теперь смеялись уже все. Даже бабушка не выдержала, а через минуту и родители уже пытались заглянуть в комнату, чтобы выяснить, всё ли у нас в порядке. Наконец-то все успокоились и начали засыпать.

И тут мне приспичило. Вдруг и неожиданно. Как раз в тот момент, когда бабушка с дедом явно заснули. Как будто мочевой пузырь захотел проверить. Действительно ли можно оторвать ноги или это просто игра слов. Я не знал, как быть. Если бы было лето, то я скорее всего, решил бы сходить в окно, но была зима.

– Вовка, – прошептал я. – Ты спишь?

– Сплю, – отозвался он так же шепотом.

– Ты не хочешь в туалет?

– Я лучше обоссусь, – признался Вовка, – чем рискну захотеть ночью в туалет.

Тоже, кстати, вариант подумал я, но попытаться сообразить, как это сделать менее позорно и более безопасно. Можно, конечно, осторожно встать и попробовать немного приоткрыть

дверь. Небольшую щелочку, чтобы можно было протиснуться, но это был риск. И если бабка вдруг проснётся и поймёт, что я встал, то в туалет можно будет уже не спешить.

Я всё же решил рискнуть. Рядом на полу сопели их головы. Темень была такая, что ориентироваться можно было только на ощупь. Я осторожно опустил одну ногу на пол, затем вторую. Вторая нога что-то задела и это что-то, что стояло на полу и почему-то почти под кроватью упало на пол. Я на всякий случай перестал дышать и втянул ноги обратно, но никто даже не пошевелился. Опустив руку вниз, я пошарил по полу. Наткнулся на стакан. Судя по всему, пустой.

Решив, что его послала мне судьба я по-быстрому, в темноте, практически на ощупь, сделал свои дела и поставил его обратно под кровать. Довольный собою и сложившимися обстоятельствами я вернулся обратно. «Утром вылью», – решил я.

– Ты во что там отлил? – поинтересовался Вовка.

– Да, стакан какой-то под кроватью стоял. Давай спать.

* * *

Утром бабка с дедом по своей деревенской привычке проснулись раньше нас. Точнее, первой проснулась бабка, а вторым дед. От её тычка. Следом мы с Вовкой, хотя вставать было совсем рано ещё. Даже не рассвело.

– Подъём.

– Да куда гоношиться-то? – бурчал дед. – Дай поваляться ещё.

– На том свете наваляешься.

– Да куда идти-то? Не в деревне же, – не сдавался дед. – Окромя кухни и туалета некуда податься.

– Я встаю, – пояснила бабка. – Ежели нет желания, чтобы бошку дверью придавило, то и ты вставай.

Дед потянулся под кровать.

– Мокро тут как-то, – заявил он.

И тут я понял, что это был за стакан. Я уже в деревне видел, как дед часть своих зубов кладёт на ночь в стакан с водой. Этой ночью я, видимо, ногой нечаянно задел его стакан и не заметил, как он разлился. Затем в темноте я не обратил внимания на то, что в нём лежали зубы деда и отлили туда. Сейчас дед возьмёт стакан и...

Послышалось звяканье зубов о стакан в темноте, затем чмокание. После кто-то что-то нюхать начал. Затем искреннее удивление деда.

– Тут кто-то нассал в мои зубы.

– Это тебе кошки в рот нассали после вчерашнего, – предположила бабка. – Пить надо меньше.

– Да говорю же, – не унимался дед. – На. Понюхай.

– Да чё ты мне зубы свои в нос суёшь? Дай стакан.

Я затаился и старался не дышать. Думаю, не трудно будет догадаться кто это сделал. Один из двух. И этот один – я. Бабка понюхала, вздохнула и вернула стакан деду.

– Ну что, чунга-чанга. Весело жуётся? – усмехнулась она. – Пошли зубы чистить. Проснутся – спросим. Кто тебе закваску сделал.

Глава 5. На ком шапка горит?

Мы с Вовкой провалялись ещё час или два. Вставать мне не хотелось. Точнее, очень хотелось, но я не имел пока не малейшего представления о том, как я буду оправдываться за то, что оказалось в стакане с зубами у деда. Ведь в их понимании наверняка это было сделано умышленно. Иначе как? Ведь воду из стакана сначала необходимо было вылить, а потом... Единственной идеей было сказать – это не я, это Вовка, это дед, это само... Кто угодно, но только не я. А там уж пусть выясняют. В комнату заглянула мама.

– Подъем. Умываться и завтракать.

* * *

Судя по звукам, бабка с дедом сидели на кухне. Зажмурившись, пытаюсь раствориться на фоне обоев, я пробирался к туалету.

– Ты что на ощупь-то крадёшься? – услышал я голос бабки, когда был уже практически возле двери в туалет. – Стакан возьми.

Бабка протянула мне стакан, как бы намекая, что она в курсе ночного происшествия и отпираться бесполезно.

– Это не я. Я спал, – выдал я железное алиби.

– Так я ничего и не говорила ещё, – заметила бабка. – На воре и шапка горит.

Я не совсем понял при чём тут горящая шапка. Так бабке и сказал, что шапки у меня нет на голове и соответственно ничего не горит. Даже на всякий случай потрогал руками голову.

– Ты чё там щупаешь? Если мозги проверяешь, то за ночь они не выросли.

– Ба. Да ведь нет на мне шапки. Почему я вор? – не мог я всё понять.

Бабка безнадёжно махнула рукой и сказала, что я болван без шапки и гореть у меня должна жопа за то, что деду в стакан с зубами нассал.

* * *

Ввиду того, что кухня у нас была маленькая, а народу прибавилось, завтракать пришлось в две смены. Бабка сказала, что она вообще не понимает, как это недоразумение можно называть кухней. Тем более ещё и принимать пищу тут. С одной стороны, конечно, удобно. Сел за стол и в центре всего. Хочешь – холодильник открывай, хочешь – на плите что-то жарь, не вставая, а хочешь – посуду сразу мой. Но при условии, что ты тут один.

– Так, энурезы, – начала бабка допрос, как только мы уселись с Вовкой за стол. – Сознаться будем или на анализы

поедем?

– А кто такой энурез? – поинтересовался Вовка.

– Кто-то из вас двоих, – ответил дед.

Тут на кухню зашла мама и ей тоже стало интересно. С какой такой стати бабка с утра выясняет очень странные вещи. Потому что то, что сказала бабка, выглядело очень нелепо и не похоже на правду. С чего это вдруг внуки будут делать такую пакость по маленькому родному деду?

– Это даже в голове не укладывается, – сказала она и посмотрела на нас с Вовкой.

– В нормальной голове не укладывается, – согласилась бабка. – Но у них-то голова далека от нормальной. Я бы сказала, как ты выразилась – нелепая. И туда, порою, укладываются очень странные вещи.

Мама было стала заступаться за нас, но ей с папой надо было уже спешить на работу. Сегодня был последний рабочий день перед Новым годом. Поэтому спор о нормальности своих детей отложила до вечера. Я тоже сказал, что мы с Вовкой очень даже нормальные. А то, что там было у деда в стакане, так это ещё выяснить надо. Может, дед сам ночью проснулся.

От такой наглости дед даже удивился.

– Хрен с вами, – махнула рукой на нас бабка, после того как родители ушли. – С вас всё одно взять нечего кроме анализов, но кто-то из вас и так их ночью добровольно их сдал.

* * *

После завтрака я предложил Вовке взять вину на себя. Ему-то что? Как обычно, можно списать будет на его возраст и непонимание происходящего. Вовка не соглашался. Тем более, как он заметил, бабка сказала, что на мне шапка горит. Он тоже не понял, что это означает, но ясно, что это я виноват.

* * *

Было принято всеобщее решение идти на улицу погулять. Тем более что погода стояла отличная. Бабка замотала нас с Вовкой как на северный полюс. Чтобы не промерзли, как она сказала, остатки мозгов, намотала на шапку ещё один шарф, помимо того, который был на шее. Точнее, на том месте, где должна быть шея. Потому что на этом месте было уже два свитера и пальто.

– Ну всё, – довольная проделанной работой бабка осматривала нас с Вовкой. – Можно идти.

– Я не могу идти, – заявил Вовка из-под шарфа. – Я в туалет хочу.

– Писять хочешь? – удивилась бабка и посмотрела на Вовку как на врага народа, понимая, что весь процесс одевания

необходимо будет воспроизвести в обратном порядке, а затем снова. – Ты не писаить хочешь. Ты бабкиной смерти хочешь. Ты что молчал, пока я тебя одевала?

– Эт самое... – начал дед. – Я чёт тоже захотел.

– Эт самое? – всплеснула руками бабка и села на табуретку. – Вы на улицу или в туалет собирались? Вы бы сразу предупредили меня. Я бы вам тогда вместо шарфа туалетную бумагу вокруг шеи намотала бы. Что вы бабу-то изводите?

– Мне кажется, я уже перехотел, – осторожно сказал дед. – Показалось.

Судя по лицу Вовки, он тоже стоял перед нелёгким выбором. Либо раздеваться и выслушивать нелестные комментарии от бабки, либо тоже перехотеть.

– Баб. Я упрел уже, – внёс я свою лепту в сложившуюся ситуацию.

– Сейчас с этим упырём разберемся и пойдём, – ответила бабка. – Пока все не упрели.

– Баб. Я не могу терпеть, – заявил Вовка и, попросив наклониться к нему бабку, прошептал ей что-то на ухо.

– А чё ты шепчешься-то? Говори уж всем. Что такой маленький, а хочешь как большой.

Бабка начала разматывать Вовку, а нам с дедом сказала идти на улицу и ждать возле подъезда, пока я не сопрел совсем. На всякий случай запустила руку мне за шиворот и пощупав, утвердительно кивнула, что ещё не сопрел и можно идти.

Мы стояли с дедом возле подъезда и ждали бабу с Вовкой.

– Дед. А что значит, на воре шапка горит, – решил я на всякий случай уточнить.

– Это значит, – задумался дед. – Да то и значит. На ком шапка горит тот и виноват. Поговорка такая.

Прошло уже минут десять, а бабу с Вовкой всё не выходили. Дед стоял и переминался с ноги на ногу. Спустя ещё несколько минут он не выдержал.

– Стой тут. Я быстро, – сказал мне дед и скрылся за стенкой. Той, которая отделяет вход в подъезд от мусоропровода.

В этот момент показалась тетенька дворник. Она явно направлялась в то место, где делал свои дела дед. Зачем он туда пошел я сразу догадался. Дед не готов был терпеть и ему совсем не показалось, а даже наоборот. Застала она его, видимо, в самый ответственный момент.

– Ах ты!.. – скорее всего не могла она больше подобрать слов, чтобы выразить своё недовольство данной ситуацией. – А ну, пошел отсюда, алкаш!

В это время из подъезда вышли бабу с Вовкой и естественно первым делом она услышала шум. Увидев, что я стою один, она посмотрела по сторонам и не увидев деда, сделала логическое предположение, что шум за стенкой как-

то связан с ним. Да и мой взгляд был направлен туда. Бабка заглянула за стенку.

Тётя дворник пыталась охаживать деда лопатой для уборки снега. Дед торопился натянуть штаны и одновременно отбивался от лопаты.

– А ну, женщина, стой! – скомандовала бабка.

– Вы кто? – удивилась женщина, но остановила попытку расправы.

– Дай мне просто лопату.

В какой-то момент даже тётенке дворнику стало жалко деда. По её глазам было видно, что она уже сожалеет о том, что оказалась в этом месте в столь неудачный момент. Даже было дело попыталась вступить за деда, но бабка её вытолкала. Спустя минуту, после короткой, но убедительной лекции о том, какой пример не надо подавать детям, бабка вернула уже две части оставшихся от целой лопаты тётенке и скомандовала всем – идём.

* * *

– И что здесь делать? – бабка окинула взглядом двор, окруженный со всех сторон домами.

– Можно снежную бабу слепить, – предложил дед.

– А можно деду ещё раз влупить, – ответила ему бабка. – Облегчился? Иди снег катай. Будете снежного деда лепить. Ссыкуна.

Работу бабушка поделила между нами по-честному. Деду досталось катать большой ком для нижней части, мне средний, а Вовке для головы. Бабушка сказала, что она уже укаталась и будет просто наблюдать за процессом.

Через несколько минут мы слепили, как сказала бабушка, очень похожего на деда снеговика. Или как она выразилась – дедовика. Кривого и готового в любой момент развалиться на запчасти. Осталось только придать ему немного глуповатой выразительности.

– Морковки не хватает, – заметил дед. – А так, даже очень симпатичный.

– И писюна не хватает, – заметила бабушка. – Как же он ссать-то будет?

Дед сказал, что ему надоели уже эти шутки с самого утра на эту тему, а я вызвался сбегать домой за морковкой. Пока я бежал, мне всё не давала покоя «горящая шапка». Бывает так. Застрянет в голове какая-то мысль и не отпускает. Богатое детское воображение рисовало разные картины. Одна логичнее другой. Так я думал на тот момент. И тут мне на очередном витке мыслей пришла в голову идея.

Дома, в тайнике письменного стола, лежал спрятанный коробок охотничьих спичек. Спички мне достались по случаю, ещё осенью. В школе, на одной из перемен, один из моих одноклассников продемонстрировал это чудо. Спички были необычными. Они могли гореть везде. На ветру, в воде и даже не тухли. Я выменял три оставшиеся спички в коробке на

три солдатики из набора. Я их хранил для особого случая. Вот он и наступил.

Обратно я бежал с морковкой и коробком спичек в кармане пальто.

— А чё одна то? — удивилась бабка. — Из чего дед отличаться-то будет?

Тут Вовка, видимо, решил проявить смекалку и, взяв одну из оставшихся палочек, воткнул в снеговика. Туда, где и положено ей быть по замыслу бабки, и довольный своим поступком, улыбаясь ждал одобрения.

— Годится, — одобрила бабка. — Один в один.

А я ждал момента. И он подвернулся. Когда дед присел поправлять снеговика, а бабка отвлеклась на Вовку, поправляя ему шарф, я достал из кармана коробок и...

— Баб, — позвал я улыбаясь. — Я же говорил, что не я виноват. Вон, на деде шапка горит.

Когда все отвлеклись, я поджег охотничью спичку и положил её на шапку деда. Я думал, что он немного погорит, а я как раз успею сказать мол это не я виноват, раз на деде шапка загорелась. Значит, он сам не запомнил, как ночью сходил в стакан. И вот, доказательства налицо. Точнее, на шапке. Но как только я произнёс свою заветную фразу, шапка занялась вовсю.

Пыжик, как оказалось, горел хорошо. Даже бабка не сразу сообразила. Увидев горящую шапку деда, она только рот открыла и не знала, что сказать. Вовка тоже удивился и заворо-

женно смотрел на это зрелище. Только дед пока ещё ничего не понимал. Он посмотрел на бабушку с Вовкой, на меня и не мог понять при чём тут шапка и почему она на нём должна гореть.

Бабушка вышла из ступора первой. Она схватила голову «дедовика» и обрушила её на голову деда. Это помогло, но дед не мог понять — за что? А я понял, что идея вновь оказалась так себе. И скорее всего бабушка использует две оставшиеся спички, чтобы шапка горела действительно на том, кто виноват. Или даже, скорее всего, как она говорила, гореть будет моя жопа. Меня эта мысль совсем не воодушевила. Я представил, как бабушка берёт спички и поджигает мои штаны, а потом они все стоят и смеются. А бабушка ещё пальцем показывает и говорит: «на воре жопа горит».

Возможно, всё это так и осталось бы загадкой. Воспламенение шапки невозможно было бы объяснить никак. Бабушка была верующей и даже, очень может быть, она решила бы, что на деда сошел благодатный огонь. Иначе как ещё можно объяснить самовозгорание пыжиковой шапки. Но чудеса не произошло. Бабкин взгляд сканировал пространство в поисках причины «чуда» и остановился на моей руке, в которой всё ещё был коробок спичек. Я не додумался его спрятать в карман. Проследив за взглядом бабушки, я понял, что она тоже всё поняла и сделал то, что я обычно умею делать в таких ситуациях. Я побежал. Домой.

Хорошо, что ключи от квартиры оказались у меня. Когда я

вернулся с морковкой, я не отдал их бабушке. Я пешком влетел по лестнице на наш этаж и судорожно пытался попасть ключом в замочную скважину. Наконец-то я оказался в квартире и запер дверь.

* * *

Бабушка с дедом и Вовкой так и проторчали перед дверью до возвращения родителей. Я дверь не открывал. Сначала они звонили, потом стучали. Затем бабушка стала сыпать проклятиями и карами небесными в мой адрес, но я только ещё глубже спрятался. Я залез под стол и не высовывался. Затем бабушка перешла на более дружелюбный тон, но я был непреклонен. Я знал, что надо ни в коем случае не открывать до прихода родителей.

К моменту прихода родителей пыл бабушки поубавился. Меня извлекли из-под стола и провели лекцию на тему поговорок. Затем меня усадили за стол и под диктовку бабушки я записывал в тетрадку поговорки. У бабушки они почему-то были все на одну тему. «Заставь дурака богу молиться он лоб расшибёт. Дурака учить – что мертвого лечить. Идиоты не переводятся – они совершенствуются. Дуракам закон не писан. Дураков не сеют, они сами рождаются...» И так далее.

Глава 6. Как дед в танке горел

Писать так много в первом классе, я вам скажу, то ещё мучение. Родители научили меня письму ещё до начала школы. Естественно, писал я пока не очень грамотно, но уверенно. Бабка взяла мою тетрадку с внеклассным занятием про дураков и стала проверять.

– Идиоты на пере... Что? – всматривалась бабка в мой «каллиграфический» почерк, – Не переодеваются? Хрен поймёшь, что тут нацарапал. Тебе на врача надо учиться. Писать ты уже как они научился. Лечить тоже, насколько мы все помним. Осталось только халат купить.

– Мама, – заступилась за меня моя мама. – Он в первом классе. Они ещё не начали так много писать. Хватит уже мучить его. Он всё понял. Правда? – и она посмотрела на меня.

Я утвердительно кивнул в ответ. На всякий случай. Моё внутренне чутьё подсказывало, что с мамой надо соглашаться. То, что я ничего не понял, значения не имело. В чём смысл этой писанины, мне было не понятно. Но мама на моей стороне, а это хорошо.

– Давайте уже переодеваться, умываться и спать, – подвела итог она.

– Идиоты не переодеваются, – заметила бабка.

Тем не менее мы переоделись. Я, как всегда, был не согласен с умозаключениями бабки. Ведь мы с Вовкой не идиоты.

Но и они, я думаю, всё-таки переодеваются. Хоть иногда.

* * *

Устроившись на ночлег, бабка сразу предупредила, что если кто-то хочет в туалет ещё раз, то пускай это сделает сейчас. Или терпит до утра, а дед предусмотрительно убрал стакан подальше от нашей кровати.

– Ты скажи мне – юный поджигатель, – начала бабка, когда все улеглись и свет уже не горел, – ты какого ляда деда подпалил?

– Какого ляда? – не понял я.

– Да вот того самого, который в тебе живёт, – пояснила она. – Ты не пытайся понять смысл. Тебе не дано, – бабка явно почувствовала, как скрипят мои мозги, пытаясь осмыслить сказанное ею и продолжила. – Шапку деду зачем поджег? Прометей квартирный.

– Ишь ты, какие слова знаешь, – удивился дед.

Я не знал, что ответить. Свой проступок я осознавал, но логического объяснения для бабки придумать не мог. Как только версия доходила до «отвести от себя подозрение, показав на ком шапка горит», она спотыкалась и на всякий случай рассыпалась на тысячу «действительно зачем?» Но что-то ответить надо было. Спас дед.

– А я вспомнил, как в танке горел. На войне, – задумчиво в темноту сказал он.

– Тоже мне. Танкист нашелся, – ответила бабка, – Всё, что у тебя горело, так это трубы по утрам.

– Да иди ты!

Было слышно, как дед обиженно отворачивается от бабки, шурша одеялом. Затем бренчание в стакане. Это означало, что дед до утра простился с челюстью и историй можно не ждать. А нам с Вовкой стало интересно. Дед никогда особо не рассказывал про войну. Всегда отмахивался. Говорил, что нечего рассказывать. Ничего интересного там не было.

– Дед, – начал я осторожно. – А как ты горел? Взаправду?

Послышалось опять шуршание. Бренчание стакана, шамканье. Судя по всему, к деду возвращались зубы и в этот раз он был готов поведать нам одну историю.

– Да на самом деле это была забавная история, – начал он. – Закурить бы. Без сигарки несподручно рассказывать.

– Ага. Устрой ещё один пожар на сегодня. Сгорел сарай – гори вся хата, – заворчала бабка. – В твоём случае подушка.

Дед тяжело вздохнул в ответ и начал.

– Точное место, где мы стояли, я уже не помню, но был это 1-й Украинский. Кажется, – дед задумался. – Точно. На Украинском было, – дед продолжил. – Ночь. Тишина. Где-то далеко грохот орудий, а у нас затишье. Слышно, как сверчки сверчат.

– Сверчат, – проворчала бабка. – Сверчки стрекочут, а не сверчат.

– Стрекочешь ты, – огрызнулся дед. – И ворчишь как свер-

чишь. Иногда тапкой хочется прибить. Не мешай мне.

– Издают, значит, звуки сверчки, – дед демонстративно выделил слово «издают», – И тишина вокруг. А мы-то молодые. Да и праздник какой-то был. Нам приключений хочется. Ну и выпить. Расслабиться. Решили мы, значит, пока командир в отъезде, на танке смотаться до соседней деревни. На предмет дружеского обмена. Собрали с собой сахар и тушенки. Обменять на самогон, значит. Уговорили Кольку механика и погрузились. Поехали втроём. Остальные ждут нас, значит.

– Ещё раз скажешь слово – значит, я твою челюсть вытащу изо рта, значит, и в окно выкину. Значит, – не выдержала бабка. – Прямо по уху режет твоё значит.

Дед засопел, но продолжил.

– Благо ехать было недалеко. Минут двадцать-тридцать. Доехали мы без происшествий. Ночь. Тишина. И только наша тридцать четверка на боевом выезде мчит.

Я уже мысленно представил, как они ночью наравались на вражескую засаду и вступили в неравный бой с вражеской колонной танков. Как они подстрелили десяток тигров, а одиннадцатый попал в них, и они загорелись. Далее воображение рисовало, как дед с друзьями выскочили из горящего танка и объятые пламенем кинулись в атаку, и забросали гранатами этого гада, и героями вернулись в часть. Дед продолжал.

– Доехали мы до деревни, и там всё чин чинарём, значит.

ся.

Послышалось шуршание одеяла. Теперь я представил, как бабка тянется ко рту деда и собирается вырвать его вставную челюсть и выбросить в окно. Такое развитие событий меня не устраивало. Ведь история скоро должна приблизиться к боевой развязке.

– А нам не режет ухо слово «значится», – вступился я за деда.

– Я щас после зубов деда уши ваши оторву и тоже выброшу. Значится.

Но я так понял, что бабка шутит, потому что дед продолжил свою историю. Значит, зубы ещё на месте. Или к месту сказать правильное будет – значится.

– Выменяли мы свои припасы на два фугаса и довольные мчим обратно. Орём во всю глотку «Три танкиста». Ведь нас как раз было трое. Три весёлых друга. Экипаж машины боевой.

– Ага, – согласилась бабка. – Классический набор. На троих сообразить.

– Не, – не согласился дед. – Мы ж для всех старались. Мчим мы обратно и уже почти доехали. Ещё пять минут, и мы окажемся в своём распоряжении. Боевая задача выполнена, танк на месте. Всё шито-крыто.

Теперь я рисовал себе немного другую картину. Враги напали на боевую часть деда, а они успели как раз вовремя, чтобы на своём танке отбить атаку. Но в конце их опять под-

бывают, а дальше всё так же, как я и представлял ранее. Дед герой. Всем медали.

– Мчим мы, значит, в танке. Я закурить решил. Достаяю кисет, сворачиваю самокрутку. Прикуриваю. А бутыл, значит, одну между ног зажимаю, чтобы не упала. Вторую Мишка держит. И тут...

Вот. Началось. Подумал я. Сейчас начнутся боевые действия и геройские подвиги.

– ...Колька в темноте, видимо, не заметил остатки кирпичной кладки. Мы её сшибаем на всём ходу. Грохот. Танк подбрасывает на выбоине так, что я чуть головой не шмякнулся об потолок. Хорошо, что руками за что-то ухватиться успел. Бутыл падает и вдребезги... Я аж рот открыл от досады.

Дед замолчал на мгновение.

– Цигарка, будь она неладна, падает прям на разлитую бутыл...

Тут он опять замолчал, а я всё ждал, когда же немцы появятся и начнутся подвиги.

– Мишка как закричит. Нас подбили! Горим! Всем из танка! Колька механик по тормозам и тоже ничего не понимает. Грохот вроде был, но не такой, как от попадания фугасом, а танк внутри синим пламенем горит. Огонь уже и на мне, на штанах. Выскакиваем из люка, все пригибаются. Прячутся от атаки, с меня пламя сбивают...

– Вот ты идиот, – заполнила паузу бабка. – Немудрено, в

кого такие внуки.

– Дед. Вас подбили? – с надеждой в голосе на продолжение истории с подвигом спросил я.

– Бошку твоему деду подбили, – пояснила бабка. – И как я этого не заметила, когда замуж выходила? Навылет. Вместе с мозгом.

– Ну, я, конечно, сказал, что там горит, – продолжил дед. – Мы потом еле потушили. Закидывали землёй и бушлатами пламя сбивали. Чуть танк не сгорел. Благо вторая рвануть не успела. Вернулись обратно с одним фугасом. Но праздника это не испортило. Долго мы потом вспоминали и смеялись как в танке «подбитом» горели.

– А где немцы? – не выдержал я. – Где подвиг и медали?

– Да. Нехорошо, что страна не заметила героя, – согласилась бабка. – От имени советского командования деду присваивается орден за идиотизм первой степени! Дед? Первой степени тебе достаточно для уровня твоего интеллекта?

– Да ну вас, – снова зашуршал и забренчал дед. – Я хотел, что-нибудь весёлого рассказать, а не то, про что вспоминать не хочется. Да и малым это не сказки на ночь.

– Да не обижайся ты, – успокоила его бабка. – Смешная история. Только малые ни хрена не поняли из твоей истории.

– Я понял, – ответил Вовка. – Танк деда подбили, а они потушили его. Только я не понял, почему они смеялись потом долго?

Лично я всё понял. Фугас, который загорелся у деда был таким же, как тот, который мы в деревне швырнули из «истребителя» на «склад вражеских боеприпасов». Пусть история оказалась не про немцев и совсем не про подвиг. Но всё же, лучше уж такая история, чем история про по-настоящему подбитый танк и горящего деда. И там действительно, было бы уже не до смеха совсем. Постепенно бабка с дедом затихли и засопели. Кое-кто по обычаю начал похрапывать. Вовка тоже заснул. Я ещё некоторое время ворочался. Не мог заснуть. Моё богатое воображение всё рисовало картину эпичной битвы танка деда против колонны вражеских тигров. Дед там, безусловно, выходил победителем. Даже немного горел, но это было не страшно. Почти как сегодня во дворе. Только шапка. В конце он кидает свой «фугас» во вражеский танк и тот вспыхивает синим пламенем. А потом все смеются и ещё долго вспоминают эту историю. Но навязчивая мысль всё же вешает деду на грудь орден «за идиотизм первой степени».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.